

КУЛЬТУРА

Евгений СВЕТЛАНОВ:

Трун - 1995 - 24 февр. - с. 5

«На орбите не бывает остановок»

И даже юбилей — не повод для них

Мы не общались с Евгением Федоровичем около пяти лет. Вроде бы не так уж и велик перерыв. Но за это время страна успела стать другой. Помню, тогда дирижер с гордостью рассказывал мне о своей новой работе — постановке оперы «Золотой петушок» Римского-Корсакова в Большом театре; радовался окончанию гигантского труда — записи антологии русской симфонической музыки от Глинки до Мясковского...

Сегодня Светланов уже не дирижирует в Большом театре. Он вообще в России бывает куда меньше, чем прежде. Вот только привязанность к оркестру, к его «родному» Государственному академическому симфоническому оркестру России, мне кажется, ничуть оттого не ослабела. Лишь темп работы возрос: за недели разлуки приходится расплавиваться сутками каторжного труда в Москве.

Главное же, ему есть с кем работать: удалось сберечь оркестр! Музыканты, потянувшиеся было в частные ансамбли, довольно

скоро поняли: авторитет и устойчивость государственных коллективов — тоже капитал. Только за эту зиму музыканты дали в Москве несколько концертов, ставших без преувеличения событиями.

Ну в самом деле, разве не событие — исполнение грандиозной Третьей симфонии Малера под управлением Евгения Федоровича? Ведь капитальнейшее это сочинение, один из мировых шедевров, чрезвычайно трудно для исполнения, поэтому крайне редко звучит в России... Запомнились и интерпретации Второй симфонии Брамса с приглашенным из Новосибирска дирижером Арнольдом Кацем, «Рэпсодии на тему Паганини» Рахманинова — с пианистом Николаем Петровым, фрагментов вагнеровских опер с гостем из Санкт-Петербурга, главным дирижером Мариинского театра Валерием Гергиевым...

Итак, дела идут блестяще? Но вот сам Евгений Федорович на мой вопрос, не убавило ли тревог в его жизни, ответил:

— Ну что ж, на небесных орбитах «ваш» астероид, надеюсь, чувствует себя комфортно и находится в достойной «звездной» компании. А вот мир земных «звезд», мир артистических знаменитостей, как известно, бывает куда менее гармоничен. Но, насколько могу судить, вы и ваш оркестр плодотворно сотрудничаете с весьма широким кругом музыкантов. Здесь и Мстислав Ростропович, с которым коллектив играл недавно в Афинах под управлением Федора Глушенко, и Владимир Спиваков, и альтист Юрий Башмет, и хормейстер Людмила Кормикова... Знаю, что вы дирижировали в Мариинском театре тем самым спектаклем «Псковитянка», который в свое время предлагали поставить в Большом, но тогда эта идея через театральное начальство не прошла...

— Да, дирижировать этой любимейшей моей оперой было сущее наслаждение. Ведь, помимо всего прочего, ею я начинал сорок лет назад свою карьеру театрального дирижера.

— Кстати, о датах. Ведь, собственно, таким обилием выступлений ваших и вашего оркестра этой зимой в Москве мы обязаны целой ойею юбилеев: среди них 30-летие вашего руководства Государственным симфоническим оркестром страны и 50-летие композиторской деятельности...

— Сочинительство — для меня лично такая же важная, если вообще не главная, стезя профессиональной деятельности.

Сочинять я начал рано, почти в моцартовском возрасте. Разумеется, все это было очень наивно. Однако Михаил Фабиянович Гнесин заинтересовался моими работами, и у него, а затем у Юрия Александровича Шапорина я прошел курс композиции. Почему веду отсчет с 1945 года? Потому что именно тогда появились произведения, которые считаю, и сейчас мне не стыдно исполнять. Как не стыдно исполнять и более поздние работы — симфоническую поэму «Калина красная» (памяти Василия Шукшина), «Поэму» для скрипки с оркестром (памяти Давида Ойстраха), романсы...

— И действительно, ведь в честь юбилея вы исполнили кое-что из вашего камерного творчества в Большом зале Консерватории. А может, тряхнете стариной и продирижируете снова «Петушок», его ведь недавно возобновили в ГАБТе?..

— Мне уже звонили из театра с этим предложением, но сейчас, к сожалению, не могу. Надо лететь в Финляндию, оттуда к голландским подопечным, оттуда... Ах, если б можно было на какое-то время просто остановиться, перевести дух! К сожалению, артисту...

— Как и его небесному «дублеру» — астероиду...

— ... это сделать очень трудно. Вел беседу Сергей БИРЮКОВ. Дирижирует Евгений Светланов. Фото Александра ЧУМИЧЕВА (ИТАР-ТАСС).

не Рахманинова вы теперь бываете реже, чем в зарубежных европейских краях?

— Ну в такую зависимость я бы эти факты не ставил. Хотя скитаний, вы правы, хватает. Уже два с половиной года я являюсь главным дирижером Королевского оркестра Голландии в Амстердаме. Коллектив хороший, отношение ко мне самое теплое.

И все равно чувствую разорванность, пожалуй, так остро впервые в жизни. Все-таки Госоркестру отдано очень многое, это уже неотъемлемая часть меня самого. Душой отдыхаю только в России. Получаю удовлетворение и от работы с оркестром, и от общения с публикой — она в эту трудную пору не только не зачерствела, но, мне кажется, стала еще эмоциональнее, отзывчивее на красоту...

— Вы говорите — тянет домой. А что вы считаете своим домом, своей «малой родиной»?

— Конечно, Москву — ведь я коренной житель столицы. В этом смысле я, как и моя супруга, и ее мать, представляю собой некую историческую, почти археологическую редкость, достопримечательность. Увы, в нынешнее суетное время, когда оседлость не в чести, племени этого — коренных москвичей — сильно поубавилось. Особенно обидно, что маловато его представителей в руководстве города — не оттого ли оно так спокойно взирало на вытеснение всевозможными банками и конторами семей и целых родов, поколениями живших в центре столицы, оживлявших его собой, а ныне вынужденных переселяться в отдаленные окраинные районы, во все эти «Кошкины-Мышкины», как называл их Райкин?... Впрочем, не буду грешить, все же нынешние власти о моем родном городе не забывают. Вот, например, затеяли восстановление храма Христа Спасителя.

— Вы, кстати, поддерживаете эту акцию?

— В принципе да, хотя, может быть, момент для ее осуществления выбран не совсем удачно: война в Чечне нанесла такие тяжелые раны, что для их заживления (а самые тяжкие потери — загубленные человеческие жизни — увы, невозвратимы) требуются огромные народные усилия и средства.

— Ну, так заживлению нравственных ран как раз и послужи-

ло бы дело храмостроительства. Правда, в нынешних условиях, может быть, стоило бы упростить проект: скажем, не копировать гигантский храм, а просто насыпать холм, поставить на нем часовню, разбить парк... Как бы устроить новую Поклонную гору в центре Москвы, старой-то уж нет, срыта в процессе строительства памятника Победы. Это, право, было бы куда скромнее, достойнее, «мемориальнее», что ли.

— Согласен, в столь благом деле не должно быть и малейшего оттенка амбициозности. Утверждаю это как верующий, православный человек.

— Вот как, вы крещены?

— Да, еще в детстве.

— А что для вас есть Бог? Имя, образ, нравственный императив?

— Источник веры в доброе начало жизни, в его неуничтожимость. Бог — сила, которая подвигает человека на благие дела, большие и малые. К сожалению, не во всем и не всегда мы следуем импульсам этой силы. Вот я, например, знаю за собой грех вспыльчивости — и в быту, и за пультом оркестра. Впрочем, в последнее время подобные ситуации стали возникать куда реже.

— Когда-то вы, помню, делали очень ценное дело с точки зрения поднятия массовой музыкальной культуры. Имею в виду ваши популяризаторские программы на телевидении о симфониях Чайковского, Скрябина, Рахманинова... Не предвидится ли что-то подобное в ближайшее время?

— Насильно мил не будешь. Во всяком случае от телевидения предложений такого рода больше не поступало. Я даже не уверен, что те старые передачи, о которых вы сказали (я их тоже считаю в принципе удачными), сохранились в архиве «Останкина»: пленка сейчас в дефиците, слишком дорога она стала, и их просто могли размагнитить.

Несколько лучше обстоят дела на радио. Там гораздо больше людей, неравнодушных к музыке. В результате мое увлечение Малером, возможно, вскоре выльется в цикл передач о нем на радио «Орфей». Кстати, радиовещанию я обязан тем, что попал... на небесную карту! Как-то сотрудники Крымской обсерватории услышали по первой программе, как я дирижирую, и решили присвоить мое имя одной из малых планет.

— Ни в коей мере: уходят одни тревоги, тут же возникают новые. Я уж не говорю о массе организационных затруднений, которые благодаря изобретательности нашего директора мы как-то преодолеваем. Главная проблема — в другом. Духовной культуре общества за последние годы нанесен очень большой урон — вот что самое страшное! Осуществляется последовательное, систематическое оглушение народа. Обратите внимание хотя бы на телепрограммы, изобилующие зарубежными фильмами весьма низкого качества...

— Но ведь корни русской культуры столь глубоки, что их не так-то легко уничтожить. Даже на протяжении семи десятилетий советской власти, далеко не самых легких в истории страны, эти корни сохраняли животворность, давали все новые ростки — в музыке ли, в литературе, в изобразительном искусстве...

— Сейчас идет реакция на прошлое — реакция утрированно бурная, нигилистическая, я бы сказал. Возьмите, к примеру, словосочетание «советская музыка». Нынче оно чаще всего произносится с презрительной интонацией — дескать, все искусство той поры было ангажированным, создавалось под контролем КПСС. Исключение милостиво делается лишь для Прокофьева и Шостаковича: им «разрешено» числиться в предтечах «истинно свободных», «оппозиционных» художников — Шнитке, Денисова, Губайдулиной (весьма достойных, не спорю, композиторов, но отнюдь не исчерпывающих всей палитры направлений современной отечественной музыки). Будто бы не было у нас Мясковского с его ярчайшими симфониями, словно бы не существовали Глиэр, Василenco, Анатолий Александров, Книппер, Щербачев, Голубев, Раков...

— Вот когда пришлось бы как нельзя более кстати записанная вами антология русской музыки!

— Но она пока не издана в полном виде. Ведь это примерно 125 компакт-дисков, каждый в среднем более часа звучания. К сожалению, на фирме «Мелодия» сейчас тоже неспокойно, идет конфликт с отделившейся от нее студией грамзаписи. И эта дележка пирога, увы, пагубно сказывается на судьбе многих записей.

— Какую стратегическую задачу сейчас, после окончания антологии, вы перед собой ставите?

— Дух человека не может быть сыт покоем. Меня сейчас будоражит идея записать всего Малера. Творчество этого великого австрийского симфониста притягивает меня издавна, еще со студенческой скамьи. Мне невероятно близки его мелодизм, эмоциональность, открытость, его ранимость и мудрость, его идущий из самых глубин сердца гуманизм.

— То есть если когда-то на мой вопрос, кого вы считаете для себя идеалом творческой личности, вы, не колеблясь, ответили — Рахманинов, то сегодня, пять лет спустя, таким кумиром могли бы называть Густава Малера?

— Пожалуй, да.
— Не оттого ли, что на роди-